

УДК 94(47).047
DOI 10.52452/19931778_2022_3_37

О ВНЕСЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИДВОРНЫХ ОРУЖЕЙНИКОВ В XVII в.

© 2022 г.

С.П. Орленко

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва

Orlen@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2022

Исследуются отраженные в документах формы внеслужебной деятельности специалистов Оружейной палаты в XVII в. Рассматриваются многочисленные примеры работы царских оружейников по частным заказам, изготовление оружия на рынок, торгово-посредническая деятельность, а также обучение частных учеников. Выдвигается предположение о распространенности «частной практики» в среде придворных оружейников и ее существенном влиянии на уровень их благосостояния.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Москва, Оружейная палата, придворная мастерская, мастера, оружейники, внеслужебная деятельность, частные заказы, предпринимательство.

Для изучения истории придворной оружейной мастерской большое значение имеет вопрос о размере жалованья ремесленников на всем протяжении службы. По величине оклада и динамике его изменения на протяжении срока службы можно судить об оценке администрацией профессиональных качеств ремесленника, о развитии его карьеры и положении среди других мастеров Оружейной палаты. Исследование уровня заработной платы, а также неокладных праздничных и премиальных пожалований позволяет точнее определить уровень благосостояния придворных оружейников, а также составить представление о характере социальной политики руководства Оружейной палаты в XVII столетии. В последнее время данное направление активно разрабатывается научными сотрудниками Музеев Московского Кремля [1, 2].

Интереснейшей и чрезвычайно сложной для исследования областью является вопрос о внеслужебной профессиональной деятельности мастеров Оружейной палаты. Эпизоды, связанные с «частной практикой», крайне редко попадают в сферу государственного документирования. Вместе с тем нам известно, что многие (а возможно, и большинство) ремесленников, состоявших на службе в придворных мастерских, располагали необходимыми условиями для работы «на себя».

Мастера Оружейной палаты, проживавшие на своих дворах в Бронной слободе, в кузнецких слободах или «на Москве», значительную часть казенной работы выполняли у себя дома. Есть веские основания предполагать, что для ствольных и замочных мастеров наличие кузницы на дворе было одним из необходимых условий службы в Оружейной палате. В значительном комплексе изученных документальных

материалов делопроизводства Оружейного приказа не удалось выявить никакой информации о наличии в принадлежавших ведомству зданиях и помещениях специализированного оборудования для выполнения кузнечных работ, равно как и никаких упоминаний, что такие работы там производились. Для успешной работы мастера кузнечной специальности, в идеале, необходимо было наличие в его распоряжении двора, где, помимо жилых и хозяйственных построек, могла бы разместиться отдельно стоящая кузнечная мастерская. Таким образом, придворные ремесленники обладали возможностью в свободное от исполнения плановых заданий время создавать в домашних мастерских изделия по частным заказам или для продажи на рынке.

Мастерские могли располагаться не только на дворах оружейников. Согласно росписи 1641 г., в различных частях города находились отдельно стоящие кузницы, принадлежавшие состоящим на государственной службе мастерам Оружейной палаты, Пушкарского приказа, Денежного двора. Ряд мастеров палаты в свободное время трудились в кузнях, принадлежавших разным лицам, как наемные работники. Пожалуй, примечательнее всего пример самопального мастера Оружейной палаты Дмитрия Осипова по прозвищу Рожок, который делал оружейное и замочное и всякое кузнечное дело в кузнице, принадлежавшей крестьянке стольника Н.И. Романова, вдове Матренке Матвеевской жене Пестенка. Однако при этом Дмитрий сам был владельцем кузни, в которой трудились из найму Пушечного двора кузнец Гришка Осипов да крестьянин Томилко Васильев. Обе мастерские располагались неподалеку друг от друга в Белом городе, за Варварскими воротами «на горке от мосту» [3].

Летом 1660 г. недавно принятый в ствольные мастера Оружейной палаты бывший ученик ведущего мастера палаты Григория Вяткина Иван Константинов бил челом государю с просьбой о дворе: «дано мне холопу твоему твоего государева дела делать и мне холопу твоему тово государева дела делать негде», «...и приказано мне холопу твоему приискать двор в Бронной слободе. А есть, государь в той Бронной слободе пустой двор. Жил в том дворе иноземец Роман новотчик, а ныне он вышел к мачехе своей...». «А на челобитной помета Богдана Матвеевича Хитрово 168-го (1660) года июня в 17 день, государь пожаловал, велел ему тот двор отдать». Однако почти одновременно с Иваном на указанный двор объявился еще один претендент – иноземец наводного дела мастер Анисим Игнатьев. Резолюция по данному делу от 20 июня гласит: «Иноземцу Анисимку в том дворе отказано потому, что о том дворе преже иво челобитья... [было челобитье] Ивана Костянтинова и он Иван ныне в том дворе живет и кузницу построил (курсив мой. – С. О.)» [4, л. 1–4].

Своей домашней мастерской в Бронной слободе располагал и другой бывший ученик Григория Вяткина – Игнатий Прохоров. В январе 1675 г. он получил из Оружейной палаты 6 денег «на провоз». «Велено ему наняв [подводу] перевезти ис приказа Ствольного дела в Бронную слободу к нему на двор вос уголья. А велено ему посеребрить пять стволов пищальных гладких, которые деланы па турской образец к выезду персидских послов» [5, л. 1].

По окончании обучения и зачислении в мастера Оружейной палаты бывшим ученикам «самопального» или ствольного дела выдавалось «на мастерские снасти вновь к ствольным и к замочным делам», «на завод наковальни, клещей и молотков» безденежно по два пуда железа и по пуду стали [6, л. 1–2; 7, л. 1–4].

Мастера, проживавшие вне Бронной слободы, постоянно обращались к руководству Оружейной палаты с просьбами урегулировать вопрос об опечатывании их кузниц местной администрацией и объезжими головами (стандартная противопожарная мера). В мае 1662 г. из Оружейной палаты в Пушкарский приказ была послана память. «Бил челом великому государю Оружейной палаты ствольной мастер Василей Титов, а в челобитной ево написано: “Дворишко де у нево в Пушкарях, а позаде тово дворишка в саду кузница. И тое ево кузницу у нево Василья пушкарские головы запечатали... и великий государь пожаловал, для своих государевых оружейных дел кузницы у него печатать не велел”» [7, л. 2–3].

Несомненно, свою собственную мастерскую имел и «первый мастер» Оружейной палаты

Григорий Вяткин. В документе, датированном 1683 г., содержится упоминание о наличии на дворе, где проживали Григорий и его сын Афанасий Вяткин, «мастерской избы» [8, л. 4]. Оружейники владели двором в черте Белого города в Введенском переулке, который тянулся между Сретинской и Рождественской улицами [10, с. 24]. В июле 1685 г. он вместе с сыном бьет челом царям Иоанну и Петру: «В прошлых, государи, годех посыланы ваши великих государей указы в Розряд и в Стрелецкий приказ из Оружейные палаты об нас, холопах ваших, что которые объезжие головы огонь вынимают, что им на дворишка наш не езживать и огня не вынимать и в караулы не наряжать. А у нас, холопей ваших, ваши великих государей дела беспрестанно, без огня быть невозможно в избах и в кузнице для всяких ваших государских дел. А в кузнице у нас горны каменные с выводными трубами (курсив мой. – С. О.)». По челобитной мастеров государи «указали объезжим головам Григорья да Афонасья Вяткиных ни в чем не ведать, указ учинить против прежнего указа отца их, великого государя» [11, л. 1–3].

На своих дворах проживали и работали и иноземные мастера Оружейной палаты. С середины 1650-х гг. в Немецкой слободе проживал дозорщик Оружейной палаты Вилим Геймс. Причем известно, что на его дворе в 1657 г. жили и работали – «делали беспрестанно государево дело» еще двое иноземных мастеров Оружейной палаты [12, л. 1, 4, 4 об.]. Известно, что в 1663–1664 гг. скорострельную девятизарядную пищаль делал на своем дворе «на Кукуе» (в Новонемецкой слободе) «виленский немчин» Бартар Кинеман, а в помощь ему были отряжены двое русских кузнецов с Бархатного двора (из приказа Ствольного дела) [13, л. 129–130].

Иногда мастерам удавалось получить землю под свою мастерскую из казны «безденежно». Осенью 1665 г. бил челом государю «Оружейные палаты ствольного и пушечного дела мастер Ермолка Федоров. По твоему великого государя указу даны мне, холопу твоему, за Тверскими вороты в Кузнешном ряду два места выморочных порозжих кузничных на оброк. И я, холоп твой, на одном кузничном порозжем месте для великих твоих государевых дел поставил кузницу. И с тое государь кузницы, и с кузничнова порозжева места спрашивают на мне холопе твоем пятые деньги. Волочат и убытчат напрасно». Мастер просил освободить его от подати «против его братьи» самопальных стрелков и мастеров Оружейной палаты [14, л. 1]. Впрочем, как оказалось, в этой кузнице мастер сам никаких кузнечных дел не делал, а сдавал ее внаем [15, л. 1–12].

Интересный пример работы придворных оружейников на частного заказчика содержится в росписи походной оружейной казны, что была в Смоленске с царем Алексеем Михайловичем в 1655 г. В списке государевых пищалей пятнадцатой написана «Пищаль турецкая, замок Первого дела Исаева, станок с раковинами и з серебром Посникова дела. Государю челом ударил боярин и дворецкий Алексей Михайлович Львов» [16, л. 28]. Таким образом, становится известно, что вельможей кн. А.М. Львовым создание украшенной пищали с восточным стволом для поднесения царю Михаилу Федоровичу было заказано мастерам Оружейной палаты. Примечательно, что роспись государевой походной оружейной казны сохранила имена исполнителей частного заказа.

Возможность работы «на сторону» в свободное от государевой службы время, по всей вероятности, воспринималась как абсолютно естественная и самими мастерами, и администрацией придворной оружейной мастерской. Подчас временная потеря возможности приработка на стороне рассматривалась как повод для экстренного обращения к начальству. В марте 1664 г. государю бил челом «куячный мастер» Савка Савостьянов сын Панков (в ряде других документов он фигурирует как «наводного дела мастер»). Савка просил о досрочной выплате кормовых денег, мотивируя это следующим образом: «работаю я холоп твой куючное дело безпрестанно днем и ночью пятую неделю на дворе боярина Никиты Ивановича Романова, а на сторону сделать ничево не мочно (курсив мой. – С.О.)». Просьба мастера встретила полное понимание со стороны начальства, и жалование ему выдали раньше срока [13, л. 123, 126].

В Государственном Эрмитаже хранится пищаль, со стволом, украшенным резными изображениями птицы и животных в орнаментальном обрамлении (ГЭ. Инв. № 3.О. 5282.). Ряд элементов декора данного ствола, по наблюдению А.Н. Чубинского, сходны с теми, что выполнены на оружии работы Григория Вяткина из собрания Музеев Московского Кремля. Это обстоятельство, а также отсутствие на казенной части ствола изображения двуглавого орла подвигли исследователя определить данное оружие как коммерческую работу Григория Вяткина и других мастеров Оружейной палаты [17, с. 7].

Также в собрании Государственного Эрмитажа хранится ружье со стволом, украшенным изображениями охотничьих сцен, выполненных в технике обронной резьбы, золотой и серебряной насечкой, с надписью о принадлежности оружия ближнему боярину и оружнику Богдану Матвеевичу Хитрову и датой 7178

(1669/1670) г. (ГЭ. Инв. № 3.О. 5629.) По мнению А.Н. Чубинского, изделие было заказано Б.М. Хитрову у лучшего на тот момент оружейника придворной мастерской – Григория Вяткина [17, с. 11–12].

Иногда фрагменты информации о «частной практике» мастеров Оружейной палаты попадали в делопроизводство ведомства в весьма специфической форме – в виде разного рода жалоб и претензий со стороны заказчиков. Как правило, недовольство вызывало несоблюдение сроков исполнения работ и невозвращение вовремя заказанных или взятых в починку вещей [18, л. 1–2; 19, л. 1–2; 20, л. 1; 21, л. 1–2; 22, л. 1–3; 23, л. 1–4].

Помимо изготовления в домашних мастерских оружия по частным заказам или на рынок, мастера обладали и другими возможностями дополнительного заработка. «170-го (1662) года июня в 15 день по указу великого государя и по приказу окольничего и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово взято по цене у мастера у Григория Вяткина в дары х кызылбашскому шаху пара пистолей немецкого дела, на серебряные деньги в тринадцать рублей» [24, л. 1–1 об.]. Эти пистолеты «стволы глаткие» фигурируют в росписях посольских даров царя Алексея Михайловича шаху Аббасу II [25, л. 119; 26, л. 2 об.]. Тот факт, что в имуществе мастера оказалось иностранное оружие дорогой работы, сам по себе довольно примечателен и совсем не случаен.

В январе 1663 г. в биографии мастера случилось неприятное событие: от него сбежал ученик могилевец Митька Иванов, прихватив с собой сколько смог унести хозяйского добра и пару казенных пистолетов, над которой его мастер трудился дома. Согласно челобитной Григория, помимо государевой пары пистолетов, беглец унес с собой имущества самого Вяткина на колоссальную сумму – тысячу рублей. Возможно, мастер и несколько преувеличил масштаб ущерба, хотя практического смысла это не имело. Григорий Вяткин не просил от администрации Оружейной палаты компенсации или материальной помощи, а оправдывался в утрате казенного имущества и просил разослать по городам грамоты о поимке Митьки. «А побег, чаю я холоп твой, в Киев, и в Смоленск, и в Ярославль... вели государь для сыску того малова в те города послать своего великого государя грамоту к воиводам». Меры по розыску беглеца были приняты. В деле присутствует отпуск грамоты к смоленскому воеводе, содержащий распоряжение о задержании Митьки Иванова и его словесный портрет [27, л. 1–3].

Сопоставив размер ущерба, понесенного в результате побега ученика, с жалованьем, кото-

рое получал Григорий Вяткин, мы понимаем со всей очевидностью, что ни при каких обстоятельствах одна лишь служба в Оружейной палате не могла стать основой для столь высокого уровня благосостояния. Едва ли Митькой было похищено абсолютно все движимое имущество мастера. Огромный интерес представляет роспись украденных «животов». Наличных денег Григорий Вяткин потерял только 80 рублей серебром. Сумма довольно значительная, учитывая, что дело происходило в разгар инфляционных процессов, связанных с падением курса медной монеты.

Из платья Г. Вяткина Митька унес с собой: «Кафтан теплой соболей под камкою красною, пугвицы серебряные на обшивочное дело золочены на золотом снурке. Кафтан желтой дорожной, пугвицы серебряные золочены гладкия на шелковом снурку. Кафтан лосинной, полы подбиты лазоревою тафтой, пугвицы серебряные на шолковом снурку. Две шапки одна багрецовая сукно вишневое с искрою, другая с сободем сукно сахарной цвет» [27, л. 6–7]. Как мы видим, Григорий Вяткин был изрядным щеголем.

Кроме казенной пары пистолей Митька взял принадлежавшие Григорию Вяткину «пару пистолей двойных, стволы перевертныя, замки бараборския, наболдашники дерево черное, станки ореховые, ольстра черныя, отворот бархат зеленой. Чекан польскова дела резной. Пара пистолей стволы граненыя, замки бараборские с порескою, станки ореховыя, тесьма шолковая зеленая, крюки серебряные позолочены. Нож красного железа припо[и] серебряные, черен рыба кость» [27, л. 7–8].

Из описаний явствует, что с большой долей вероятности часть похищенного оружия имела иностранное происхождение. В любом случае едва ли оно могло быть изготовлено самим Вяткиным. Среди значительного количества огнестрельного оружия, над которым работал мастер на протяжении своей весьма продолжительной службы в Оружейной палате, не было вещей с поворотными «перевертными» стволами. Лишь один-единственный раз в 1682 г. в документах фигурирует изготовленная Г. Вяткиным к пасхальному подносу пищаль с «бараборским» — французского типа — замком, однако указаний на то, что замок был изготовлен самим Григорием Вяткиным, документ не содержит [28, л. 1–4].

Скорее всего, Григорий Вяткин сочетал внеслужебную производственную деятельность с торгово-посреднической. Последняя предполагала наличие деловых связей как с поставщиками иностранного оружия, так и с потенциальными покупателями. Нам не известно, общался

ли мастер с западноевропейскими купцами напрямую или брал товар на реализацию через посредников. Вполне вероятно, что торговавшие оружием мастера не только искали покупателей и перепродавали им иностранный товар, но и сами дорабатывали его — украшали резьбой, насечкой, золочением, повышая декоративность оружия и, соответственно, его цену.

В Государственном Эрмитаже хранится пара пистолетов с западноевропейскими стволами и замками, украшенными пышной золотой насечкой, которая, по мнению А.Н. Чубинского, могла быть выполнена Григорием или Кондратием Вяткиными (ГЭ. Инв. № 3.О. 5098.). Серебряный прибор пистолетов также русской работы [29, р. 23, pl. 8, 9, 10; 17, с. 4]. Платежеспособный спрос на редкое и дорогое оружие, в том числе иностранное, по всей видимости, присутствовал постоянно. Среди представителей московской знати многие располагали собственной оружейной казной, о богатстве и пополнении которой радели в зависимости от личных склонностей, с большим или меньшим энтузиазмом. Нескольких таких собраний (Ф.М. Мстиславского, Н.И. Романова, В.И. Стрешнева, И.Д. Милославского, А.С. Матвеева, В.В. Голицына) частично или полностью поступили в государеву оружейную казну. Положение «первого мастера» Оружейной палаты должно было немало способствовать успеху рыночной деятельности Григория Вяткина.

Вероятнее всего, пускаясь в бега, Митька Иванов прихватил с собой не все оружие, находившееся на дворе Григория Вяткина (равно как и платье), а только самое дорогое, работа над которым была уже завершена и которое представляло собой готовый к реализации товар. Общий ассортимент оружия, хранившегося в доме мастера, предположительно, был значительно шире того, что фигурировал в описи похищенного. Г. Вяткин вполне мог объединять детали оружия собственной работы с привозными комплектующими (например, замками) или делать оружие, кооперируясь со специалистами других специальностей, и в первую очередь замочниками, станочниками и ювелирами.

Последнее предположение находит подтверждение в ряде документов Оружейного приказа. Выше упоминался эпизод 1659 г., когда у Григория Вяткина было куплено в Оружейную палату «чипрасовое дерево». «Дерево взято к ево Григорьеву стволу, что станок с серебряною аправою» [30, л. 198]. В сентябре 1671 г. по приказу оружейного Б.М. Хитрова было выплачено «ствольного дела мастеру Григорию Вяткину за два дерева яблоневых длинных больших добрых денег за дерево по три-

натцати алтын по две деньги». Дерево понадобилось на станки к подносным винтовым нарядным пищальям самого Григория Вяткина [31, л. 1].

В 1682 г. согласно «разметному списку» станочному мастеру Евтифею Кузовлеву «з детьми» велено было сделать три пары станков пищальных «с костями и с раковины», еще пару таких станков предписывалось сделать ствольного и станочного дела мастеру Филипу Тимофееву. «А к тому делу надобно восемь дерев яблоневого дерева никакого нет». Последовало распоряжение – «Купить». «Того ж числа (14 февраля. – С.О.) по сей помете куплено ствольного и замочного дела у мастера у Григорья Вяткина восемь дерев яблоневых. А по договору довелось ему дать денег по десяти алтын за дерево, итого два рубли тринадцать алтын две деньги. Дать деньги с роспискою. Григорий Вяткин деньги взял два рубли тринадцать алтын две деньги. А вместо ево росписался Петр Кузовлев» [32, л. 29–29 об.].

Итак, Григорий Вяткин неоднократно вырубал свое ведомство, продавая принадлежавшие лично ему материалы — дерево разных пород для станков огнестрельного оружия. В этой ситуации важно отметить то обстоятельство, что Григорий деревянных частей к оружию сам никогда не делал. Не делал станков в Оружейной палате ни один из учеников Г. Вяткина, которых он «выучил чему сам умеет». Пищаль с чипрасовым станком «своего дела» принес Афанасий Вяткин при поступлении в мастера Оружейной палаты в 1663 г. Однако есть серьезные основания усомниться в том, что деревянные части оружия мастер действительно выполнил сам. «В распросе» об уровне своей квалификации Афанасий заявил: «делать он будет пищали и карабины и пистолы винтованные и гладкие и замки розными образцы, и иные какие по железу прорезные дела и золотить, а станочного делать не умеет» [33, л. 4–6].

Григорий Вяткин был не единственным мастером, кто в 1682 г. пришел на помощь Оружейной палате. Еще два дерева яблоневых продал из личных запасов станочного дела мастер Демьян Блисев (Блисов). А когда станочному мастеру Петру Кузовлеву для станков к стволам Афонасьева дела Вяткина и Васильева дела Федотова «на розцветку (для инкрустации. – С.О.)» понадобился перламутр, раковины по пяти алтын за штуку купили у самопального стрелка Архипа Андреева [32, л. 34–35]. Как и ряд его товарищей самопальных стрелков, Архип владел собственной лавкой в Самопальном торговом ряду [34, л. 1–2].

Едва ли Григорий Вяткин стал бы заниматься покупкой и перепродажей небольших партий станочного дерева ради выгоды, тем более что сколько-нибудь значительного барыша здесь ожидать не приходилось. С высокой долей вероятности, покупателям и частным заказчикам Григорий стремился предлагать полностью готовое оружие – «со всем в отделке». Нам не известно, функционировало ли производство «полного цикла» на дворе у Григория и Афанасия Вяткиных. Логично предположить, что Вяткины заказывали деревянные части оружия у мастеров-ложевщиков и изготовленные в домашних мастерских станки оговоренного размера на заключительном этапе подгонялись к стволам их работы. Весьма вероятно, что, кооперируясь с мастерами других специальностей, Григорий Вяткин выступал в качестве организатора. Обладая большими финансовыми возможностями, он был в состоянии частично или полностью взять на себя обеспечение «ложевщиков» необходимыми материалами.

Станочный мастер Оружейной палаты иноземец Михаил Черноруцкой проживал в Бронной слободе на Константиновской улице. Известно, что у него на дворе жили и работали двое учеников – братья, уроженцы г. Шклова Емелька и Михейка Сергеевы. Позднее на него стал работать еще один шкловчанин – пищальник Васька Максимов, который «делал у него из доли пищальное дело» [35, с. 54]. Сын Михаила – Мартын Черноруцкий, также станочный мастер Оружейной палаты, как и отец, выполнял частные заказы. В декабре 1689 г. стольник Василий Петров сын Бахметьев пожаловался, что тот не отдает ему взятую у него в работу «пару пистолей двоествольных с двойными бараборскими замками». Мастер этого не отрицал, однако заявил, что стольник не расплатился с ним за другие выполненные работы. Известно, что помимо частной ремесленной, Мартын вел торгово-посредническую деятельность. Известно, что среди его клиентов были весьма значительные персоны, такие как боярин Федор Прокофьевич Соковнин [36, л. 1–19]. По неизвестным причинам не возвратил заказчику саблю, «что он взял починить с оправою крыж серебряной чеканной резной полоса черкасская по цене в двенадцать рублей» потомственный станочный мастер Оружейной палаты Федор Кузовлев [37, л. 1–2].

Точно оценить масштабы частной производственной и торгово-посреднической деятельности мастеров и служащих Оружейной палаты практически невозможно. Мы можем лишь констатировать ряд случаев перепродажи готового оружия казенному ведомству. В четыре рубля двадцать пять алтын оценили взятые в Оружей-

ную палату пару терцерольных пистолетов с замками французского типа. «173-го (1664) ноября в 10 день от окольничего и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово из двора самопальной (стрелок) Архип Андреев принес в Оружейную палату пару пистолей немецких стволы круглые у замков вывертоваюца, замки бараборские, на замках в четырех местех позолочено, набалдашники дерево немецкое. А сказал те де пистоли ево Архиповы, а приказал окольничий и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово те пистоли взять у него Архипа в государеву казну в Оружейную палату» [38, л. 1].

22 ноября 1673 г. датирована расходная запись о выплате дозорщику Оружейной палаты иноземцу Вилиму Геймсу полутора рублей за стальную шпагу. «Та шпага куплена у него Вилима в Оружейную палату государю царевичу и великому князю Федору Алексеевичу. Ножны покрыты вновь отласом золотным по червчатой земле. Золотил Григорей Вяткин. И подана в хоромы, взнес боярин и оружничей Богдан Матвеевич Хитрово сентября в 23 день в Троицком походе» [39, л. 1].

В сентябре 1679 года у наводного дела мастера Оружейной палаты Ивана Килтыкеева (Калтыкеева, Колтыкева) за рубль шестнадцать алтын четыре деньги было приобретено два палаша. «Те полаши взяты у него в Оружейную палату ко государскому Троицкому походу, потому что у него были готовы деланные (готовые. – С.О.)» [40, л. 1].

Документы делопроизводства Оружейного приказа свидетельствуют о том, что ряд мастеров и служащих палаты владели собственными предприятиями розничной торговли. Весной 1672 г. группа самопальных стрелков, мастеров и сторож Оружейной палаты обратились с коллективной челобитной на государево имя. «Ствольного дела мастера Афонасей Вяткин, да Микифор Кобелев, да иноземец Иван Филатов, да замочного дела мастера Иван Деметьев, Иван Федотов, Осип Алферьев, да сторож Афонька Лукьянов» просили не брать с их лавок в Самопальном ряду подати – пятнадцатой деньги. Нам неизвестно, давно ли Вяткины владели лавкой, была ли она изначально записана на Афанасия или была передана ему отцом. Так или иначе, практически нет сомнений, что, как и мастерская на дворе, где вместе проживали отец и сын, лавка в Самопальном ряду также была семейным предприятием Вяткиных. Примечательно, что челобитье мастеров и сторожа, по всей вероятности, оставили без удовлетворения – их имена были вычеркнуты из черновика документа, дающего освобождение от налога. А самопальных стрелков Архипа Андреева, Ка-

линника Алексеева и Фрола Миронова «великий государь пожаловал... пятнадцатую деньги с их лавок иметь не велел» [41, л. 1–6]. В отношении экстраординарных налогов самопальные стрелки Оружейной палаты по своему статусу приравнялись к московским стрельцам и освобождались от уплаты. При этом ранее в 1665 г. от уплаты пятой деньги были освобождены лавки как самопальных стрелков, так и мастеров Оружейной палаты. К сожалению, в этом документе имена владельцев лавок не названы [42, л. 5–7].

Известен по крайней мере один случай, когда мастером Оружейной палаты был взят подряд на выполнение казенных работ. Причем оружейнику удалось «выиграть тендер», предложив более выгодные условия, чем иностранный заводчик. «По указу великого государя велено горелые мушкетные стволы, которые были с медною оправою и з двойными замками починить, и выправить, и сверху отделать заново. Иноземец Крестьян Марселис от починки и от выправки ото всякого ствола просил по осьми алтын по две деньги. А Оружейной палаты ствольного дела мастер Афонасий Вяткин уговорился взять ото всякого ствола по шти алтын по четыре деньги. И декабря с 15 числа февраля по 6 число нынешнего 189-го (1680/81) году починил и выправил пятьдесят стволы. Денег дать десять рублей» [43, л. 3].

Если государево жалованье мастерам и служащим Оружейной палаты выплачивалось относительно стабильно, то успех внеслужбной деятельности зависел от множества случайных факторов. Вероятно, в последней четверти XVII столетия благосостояние семейства Вяткиных существенно пошатнулось. В 1676 г. во время пожара погибли двор и мастерская Григория и Афанасия [44, л. 1]. В июле 1681 г. Григорий Вяткин обращается с нехарактерной для него просьбой о выдаче ему денег займа с последующим удержанием из жалования. Резолюция на челобитной гласит: «дать в зачет 10 рублей, а вычесть во 190-м (1682) году» [45, л. 1]. Однако в следующем году 1682 г. Вяткиным едва ли удалось поправить свои дела.

В 1685 г. Афанасий Вяткин обращается с просьбой о пожаловании на приданое двум своим дочерям, ввиду своего тяжелого материального положения. «Работаю я... у ваших государских дел безпрестанно, а кроме вашего великих государей жалования и рукодельишка своего, иного промысла никакого нет. Да я ж холоп ваш от пожарного розорения и от Смутного времени розорился в конец и одолжал великими долгами» [46, л. 1]. Под Смутным временем подразумевалось московское восстание

(стрелецкий бунт) 1682 г. Во время народных волнений у оружейных лавок было немного шансов уцелеть. Так или иначе, заявление Афанасия об отсутствии у него «инога промысла» свидетельствует о том, что своей лавки в Самопальном ряду Вяткины лишились. И если на строительство жилища и возрождение мастерской погорельцам выдавались субсидии из казны, то все прочие риски и потери были сугубо частным делом мастеров.

Еще одним видом внеслужебной профессиональной деятельности мастеров Оружейной палаты было обучение учеников. Ведущим специалистам придворной мастерской назначались казенные ученики, состоявшие на государевом жалованьи. Обучение казенных учеников было частью обязанностей придворных ремесленников, и отдельной оплаты они за это не получали, хотя успехи на этом поприще могли стать поводом для наградных и премиальных пожалований [47, с. 46–61]. Но помимо казенных, мастера Оружейной палаты брали себе и частных учеников.

Можно с уверенностью говорить о том, что на дворе первостатейного мастера Оружейной палаты Григория Вяткина частные ученики присутствовали постоянно. Информация об этом время от времени попадала в приказные документы. Выше упоминалось о побеге ученика из Могилева Митьки Иванова. В апреле 1670 г. Григорий Вяткин жаловался на самоуправство подьячего и приставов Земского приказа: «з двора учеников моих в Земской приказ таскают и убытчат» [48, л. 1–1 об.]. Казенный же ученик в этот период на дворе Г. Вяткина мог быть только один — заканчивающий обучение Киприан Осипов (Келарев). Не менее трех частных учеников в начале 1670-х гг. проживало на дворе Оружейной палаты строчного дела мастера Прокофия Андреева [49, л. 3–12]. В декабре 1674 г. закончил пятилетнее обучение у замочного мастера Оружейной палаты Семена Нижегородца его частный ученик Емелька Иванов, «и ныне он делает замки шкотцкие и русские» [50, с. 81; 51, л. 1–4].

Обучение частных учеников могло быть прибыльным делом. В начале 1680-х гг. сын Григория – Афанасий Вяткин жаловался на своего частного ученика, уклонявшегося от оплаты за обучение. «И делает он стволы пищальные винтованные и гладкие, и пистольные травчатые, и замки шкотцкие, и лекарственные мастерские снасти против немецкого образца, и золотит, и серебрит, и волоченным золотом и серебром наводит, и всему научился... А по уговору у них мастеров за их мастерство бывает в пять лет по штидесят рублей и больше» [52, л. 1–8]. Слова А. Вяткина подтвердили ряд ве-

дущих мастеров Оружейной палаты, дав «скаску», «что за науку от одного золочения доведетца дать денег пятьдесят рублей, а за навод (мастерство насечки. – С.О.) и за ствольное и замочное дело и за всякую отделку за ученье доведетца дать денег сорок рублей» [52, л. 6–18]. Разумеется, изготавливая различные изделия на продажу, мастера могли использовать труд своих учеников (как частных, так и казенных), обучая и обеспечивая их производственной практикой.

Мы можем констатировать, что принадлежность к кадровому составу придворной оружейной мастерской не исключала возможности самостоятельной частной ремесленной, предпринимательской и наставнической деятельности. Таким образом, оценка уровня благосостояния мастеров Оружейной палаты исходя исключительно из размеров казенного жалованья может быть не совсем объективной. Несмотря на то что внеслужебная сторона профессиональной активности царских оружейников слабо отражена в официальных документах, выявленные источники дают основание предполагать, что многие, а возможно и большинство мастеров палаты, обладали источниками дополнительного заработка. Наиболее широкими возможностями (техническими, финансовыми и организационными), по всей вероятности, обладали ведущие мастера, представители «ремесленной аристократии» Оружейной палаты.

Принятые сокращения.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Список литературы.

1. Орленко С.П., Когут Е.В. К вопросу о социальной политике в Оружейной палате XVII века. Оплата труда // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 31. М., 2021. С. 149–184.
2. Орленко С.П., Когут Е.В. К вопросу о социальной политике в Оружейной палате XVII века. Материалы поощрения // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 32. М., 2021. С. 88–100.
3. Роспись кузницам и кузнецам в Москве в 1641 году // Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М.: Моск. гор. дума, 1891. С. 1155–1163.
4. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6971.
5. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5336.
6. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8683.
7. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10557.
8. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43093.
9. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36868.
10. Переписные книги города Москвы 1665–76 гг. М.: Городская типография, 1886. 238 с.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 46046.

12. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5863.
13. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893.
14. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9884.
15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43976.
16. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692.
17. Чубинский А.Н. Стволы работы мастеров Оружейной палаты на ружьях XVIII–XIX вв. из собрания Эрмитажа // Оружейный семинар. Государственный Эрмитаж. Заседание 26 февраля 2019 года. СПб., 2019. 24 с.
18. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43730.
19. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43894.
20. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 44940.
21. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 45913.
22. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 47931.
23. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 51491.
24. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8079.
25. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14.
26. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 200.
27. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313.
28. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21517.
29. Tarassuk L. Russian Pistols in the Seventeenth Century. London: Arms and Armour Press, 1968. 36 p. 39 pl.
30. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948.
31. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13545.
32. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20276.
33. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725.
34. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8814.
35. Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М.: Информбюро, 2010.
36. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 27654.
37. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 29005.
38. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9412.
39. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14742.
40. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18658.
41. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13725.
42. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9802.
43. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19884.
44. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15914.
45. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20073.
46. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ч. 1. Д. 146.
47. Орленко С. П. Ученики и организация ученичества в Оружейной палате XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 46–61.
48. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43729.
49. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13571.
50. Тальман Е.М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27 / АН СССР, Ин-т истории. М., 1948. С. 67–95.
51. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15288.
52. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36868.

ABOUT OFF-DUTY ACTIVITIES OF THE COURT ARMOURERS IN THE XVII CENTURY

S.P. Orlenko

The article is devoted to the study of the forms of off-duty activity of specialists of the Armory Chamber in the XVII century. Numerous examples of the work of royal gunsmiths on private orders, the manufacture of weapons on the market, trade and intermediary activities, as well as the training of private students are considered. The assumption is put forward about the prevalence of «private practice» among court gunsmiths and its significant impact on their level of well-being.

Keywords: Russia, XVII century, Moscow, Armory Chamber, court workshop, craftsmen, gunsmiths, off-duty activities, private orders, entrepreneurship.

References

1. Orlenko S.P., Kogut E.V. On the issue of social policy in the Armory of the XVII century. Remuneration of labor // Museums of the Moscow Kremlin. Materials and research. Issue 31. M., 2021. P. 149–184.
2. Orlenko S.P., Kogut E.V. On the issue of social policy in the Armory of the XVII century. Material incentives // Museums of the Moscow Kremlin. Materials and research. Issue 32. M., 2021. P. 88–100.
3. Painting to forges and blacksmiths in Moscow in 1641 // Zabelin I. E. Materials for the history, archeology and statistics of the city of Moscow. Part 2. M.: Moscow City Duma, 1891. P. 1155–1163.
4. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 6971.
5. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 5336.
6. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8683.
7. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 10557.
8. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 43093.
9. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 36868.
10. Census books of the city of Moscow 1665-76. M.: City Printing house, 1886. 238 p.
11. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 46046.
12. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 5863.
13. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8893.
14. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 9884.
15. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 43976.
16. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 5692.
17. Chubinsky A. N. Trunks of the work of masters of the Armory Chamber on guns of the XVIII–XIX centuries from the Hermitage collection // Armory seminar. The State Hermitage Museum. Meeting on February 26, 2019. St. Petersburg, 2019. 24 p.
18. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 43730.
19. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 43894.
20. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 44940.
21. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 45913.
22. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 47931.
23. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 51491.
24. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8079.
25. RSAAA. Coll. 77. Aids. 1. Fol. 14.
26. RSAAA. Coll. 27. Aids. 1. Fol. 200.
27. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8313.
28. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 21517.
29. Tarassuk L. Russian Pistols in the Seventh Century. London: Arms and Armour Press, 1968. 36 p. 39 pl.

30. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 948.
31. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 13545.
32. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 20276.
33. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8725.
34. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 8814.
35. Romanov M.Yu. Moscow Bronnaya Sloboda In the XVII century. History and people. M.: Informburo, 2010.
36. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 27654.
37. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 29005.
38. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 9412.
39. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 14742.
40. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18658.
41. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 13725.
42. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 9802.
43. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 19884.
44. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15914.
45. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 20073.
46. RSAAA. Coll. 159. Aids. 1. Part 1. Fol. 146.
47. Orlenko S. P. Students and the organization of teaching in the Armory of the XVII century // Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations. 2018. V. 23. № 2. P. 46–61.
48. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 43729.
49. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 13571.
50. Talman E.M. Handicraft apprenticeship of Moscow in the XVII century // Historical records. Vol. 27 / USSR Academy of Sciences, Institute of History. M., 1948. P. 67–95.
51. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15288.
52. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 36868.